

та же контаминация параллельныхъ образованій. Это явнѣ всего для такихъ случаевъ, какъ *sùšā* (*sùšā* — *sùšà*, § V) и для такихъ случаевъ, какъ Pl. *bogaćićŭ*, *koŕlīŭ*, *gnęźdā* (*bogaćićŭ*, *koŕlīŭ*, *gnęźdā* — *bogaćićŭ*, *koŕlīŭ*, *gnęźdŭŭ*, § VI). Это ясно также для такихъ случаевъ, какъ *ŭvāliši*, *trębīši* (*poŭvāliši*, *potrębīši* — *ŭvāliši* *trębīši*, ср. *perlōmīši* — *lōmīši*, *lōmīši*, § X), *pŭtāši* (*ispŭtāši* — *pŭtāši*, ср. *zakōpāši* — *kōpāši*, *kōpāši*, § XI), *pīšeši* (*napišeši* — *pīšeši*, ср. *zaōreši* — *ōreši*, § XI), *tęgneši* (*potęgneši* — *tęgneši*), и для такихъ случаевъ, какъ *ŭvālenŭ* (*ŭvālenŭ* — *ŭvālenŭ*, ср. *-lōmīlŭ* : *lōmīlŭ*, § X), *pŭtānŭ*, *pīsānŭ* (*-pŭtānŭ*, *-pīsānŭ* — *pŭtānŭ*, *pīsānŭ*, ср. *-kōrānŭ*, *-ōrānŭ* — *kōrānŭ*, *ōrānŭ*), *tęgnōtŭ* (*tęgnōtŭ* — *tęgnōtŭ*), а также для такихъ случаевъ какъ *bŭloje* (*bŭloje* — *bŭloje*). Inf. типа *proklęti* слѣдуетъ разсматривать, какъ контаминацію *proklęti*, ср. *polīti*, § VII, и *klęti*. Inf. типа *tęgnōti* надо связывать съ Inf. типа *proklęti* и разсматривать какъ результатъ контаминаціи Inf. типа *tęgnōti* и Inf. типа *tęgnōti*, съ вмѣшательствомъ вліянія тѣхъ или иныхъ формъ съ долгимъ слогомъ основы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ передъ нами аналогическое распространеніе долготы въ окончаніи (*-īši* *-āši* и т. д. и тамъ, гдѣ никакой контаминаціи не происходило). Въ одномъ случаѣ передъ нами аналогическое проникновеніе долготы въ предпоследній слогъ основы (Pl. G. *zāsłŭgŭ*, *ŭstāŭŭ*). Устойчивое удареніе на долгомъ слогѣ какъ результатъ фонетическаго перехода ударенія съ т ъ в слабой позиціи на предшествующій долгій слогъ считаю явленіемъ очень раннимъ, а устойчивое удареніе на долгомъ слогѣ, какъ результатъ аналогическаго проникновенія долготы подъ удареніе считаю явленіемъ очень позднимъ.

Остается неяснымъ: почему вторичная встрѣча ударенія и долготы въ одномъ слогѣ неизмѣнно обуславливала устойчивый характеръ ударенія — *kōrānŭ* : *ōkōrānŭ*, но *pŭtānŭ* : *ispŭtānŭ*? Остается также неяснымъ: почему вторичная встрѣча ударенія и долготы въ одномъ слогѣ обычно обуславливала исчезновеніе чередованія ударенія — *kōrānŭ* : *kōrānà*, но *pŭtānŭ* : *pŭtāna*? Остается также неяснымъ: почему вторичная встрѣча ударенія и долготы въ одномъ слогѣ неизмѣнно обуславливала исчезновеніе ударной противоположности простыхъ и сложныхъ